

К ИСТОРИИ ВОЗВРАЩЕНИЯ Е.В.ТАРЛЕ
ИЗ АЛМА-АТИНСКОЙ ССЫЛКИ (1931—1932 гг.)

В своей книге о Е.В.Тарле я попытался, в частности, проследить историю его возвращения в Ленинград из Алма-Аты, куда он был выслан в августе 1931 г. по «Академическому делу», просидев перед этим полтора года в Доме предварительного заключения¹. Освобождение Тарле осенью 1932 г. (предварившее на год-два возвращение из ссылок и лагерей других историков, осужденных по этому делу), по нашему мнению, в большой мере явилось следствием кампании, поднятой в защиту Тарле за границей и ходатайствам за него видных ученых и политических деятелей Запада, прежде всего Франции. Довольно устойчивая, хотя до сих пор документально не подтвержденная версия связывает возвращение Тарле с именем французского политического деятеля Эдуарда Эррио, сторонника дружественных отношений с Советским Союзом. Однако версия эта в том виде, в каком она представлена, например, в статье В.Вейнтрауба и книге воспоминаний Н.П.Полетики, страдает хронологическими неувязками и построена по законам исторического анекдота².

Влиятельные французские круги, как я пытался доказать, были мобилизованы на защиту Е.В.Тарле Надеждой Осеевной Щупак, урожд. Штейнберг (1886—1941), русско-еврейской эмигранткой, ученицей Тарле по Бестужевским курсам, жившей с 1908 г. в Париже, где она стала видным ученым-санскритологом, сотрудником Института индийской цивилизации при Сорбонне. Н.О.Щупак любила Е.В.Тарле и была беззаветно предана ему. Она сделала все возможное и невозможное для спасения Евгения Викторовича и добилась его освобождения — так, во всяком случае, считал сам Тарле в 1932 г.

22 ноября 1932 г. Е.В.Тарле писал жене из Москвы, куда был вызван телеграммой Е.П.Пешковой «для лечения»: «И каждый день приходится вспоминать (и наблюдать), что хочет и может эта железная воля, громадный рассчитывающий ум и — психопатическая бесконечная преданность мне. У нее именно в этом главная психопатия. Elle a commencé, elle a tout fait et elle continue et rien n'est impossible... Elle terrasse et embranle des montagnes»³. В письме от 4—5 декабря 1932 г. Тарле восклицал: «Я не прихожу в себя от изумления пред титанической без преувеличения puissance»⁴.

Восстановив в общих чертах биографию Н.О.Штейнберг-Щупак — ни в одном из писем Е.В.Тарле она не названа прямо и идентификация потребовала исследовательской работы, — а также обрисовав ту среду, в которой

она вращалась (в молодости — русскую социал-демократическую, в зрелые годы — по преимуществу французскую академическую), я, однако, замечал: «Конкретную механику ее действий по спасению Тарле выяснить невозможно на основании имеющихся в нашем распоряжении материалов»⁵.

Некоторые новые материалы, ставшие нам известными, и более внимательное изучение документов, которые были в наших руках и раньше, но на той стадии исследования не могли быть до конца разгаданы, позволяют до известной степени прояснить конкретные пути и методы, использованные Н.О.Шупак в ее борьбе за Тарле.

В частности, характеризуя обнаруженные мною в фонде Е.В.Тарле письма Н.О.Шупак за 1931—1935 гг., я указывал, что они написаны с оглядкой на цензуру и поэтому в них ничего не говорится о шагах, предпринимаемых ею для спасения Тарле⁶. Действительно, в письмах к ссыльному и находящемуся под надзором человеку Н.О.Шупак не могла писать ему об этом прямо, но косвенно, между строками, она многое умела дать знать своему корреспонденту и, как увидим, была понята им.

Наиболее важным печатным выступлением французских ученых в защиту Е.В.Тарле является статья известного историка Французской революции Альбера Матьеза (1874—1932), левого социалиста, симпатизировавшего Советской России⁷. В этой статье он резко протестует против преследований Тарле и других русских историков и делает вывод: «В России Сталина нет больше места независимой исторической науке»⁸. В заключении своей статьи А.Матьез сообщал: «В начале ноября прошлого [т.е. 1930. — Б.К.] года мои коллеги из института новой истории Сорбонны вместе с архивистами из сектора современной истории, обеспокоенные долгим тюремным заключением Тарле, подписали нижеследующую петицию, которую через нашего министра иностранных дел передали русскому правительству. Сейчас я считаю целесообразным опубликовать этот документ».

Документ этот гласит: «Нижеследующие французские ученые с болью восприняли весть об аресте своего коллеги, выдающегося русского историка, члена Академии наук СССР профессора Ленинградского университета Евгения Тарле, чье научное творчество, длящееся более 30 лет, представляет собой великолепный вклад в экономическую историю Франции и в особенности ее рабочего класса (...) Просим Вас, г-н министр, довести это свидетельство до сведения правомочных властей Советского Союза»⁹.

Это письмо подписали: профессор Коллеж де Франс Сильвен Леви, профессор Сорбонны Жорж Пажес, Камил Блок, Раймон Гюйо, Филипп Саньяк, Альбер Матьез, Анри Озе¹⁰, Луи Эйзенман, Пьер Ренувен, Шарль Сеньбос, профессор Реннского университета Анри Сэ, архивисты Национального архива Пьер Карон, Жорж Буржен, Робер Аншель, Анри Патри.

Большинство подписавших эту петицию ученых занимало высокое положение во французской научной и общественной иерархии. Первым поставил свою подпись Сильвен Леви (1863—1935), ближайший учитель и руководитель Н.О.Шупак, директор Института индийской цивилизации при Сорбонне. Он был не только крупнейшим индологом и буддологом, но и видной фигурой во французской общественной жизни, часто представлял Францию в различных международных организациях и конференциях. Кроме того, с 1920 г. он был президентом организации «Всемирный еврейский союз» (Alliance

Israélite Universelle). Как явствует из биографических материалов С.Леви, он был тесно связан с семьей Бертело, принадлежавшей к высшей политической-элите III Республики¹¹. Сын знаменитого химика и республиканского деятеля М.Бертело Филипп Бертело, крупный дипломат, генеральный секретарь МИД Франции в 1920—1933 гг., был особенно близок к министру А.Бриану.

Наиболее активную роль в «борьбе за Тарле» французских ученых сыграл, как мы увидим, наряду с А.Матьезом Анри Сэ (1864—1936), крупнейший специалист по аграрной и вообще экономической истории Франции, старый республиканец и член Лиги прав человека.

В этой связи приобретают интерес встречи, о которых Н.О.Щупак сообщила в письмах к Е.В.Тарле в Алма-Ату, не раскрывая, разумеется, содержания проводимых ею разговоров. 1 октября 1931 г. она писала: «До поездки к сестре провела несколько дней у милейшего старичка Henri Sée — если бы Вы знали, каким он мне был другом в самые тяжелые минуты, как много он мне помог»¹². В письме от 13 ноября 1931 г. читаем: «Только что по телефону разговаривала с Camille'ом. Он просил позволения Вам написать. Он немножко moule¹³, но хороший человек, qui qu'en dire Alberto furioso¹⁴. Когда-нибудь я Вам расскажу, как я оказалась однажды между moule'ством одного и дурацким крикливым тщеславием другого, как моя кротость укротила строптивного крикуна»¹⁵. Речь идет о Камиле Блоке (1865—1949), известном французском историке и архивисте, который по окончании I мировой войны был назначен директором Музея и Библиотеки войны в Венсенском замке (согласно сфабрикованному сценарию «Академического дела» именно К.Блок познакомил Тарле с бывшим президентом Французской республики Р.Пуанкаре, который наряду с другими видными политическими деятелями Запада якобы стоял за кулисами «разоблаченного заговора»)¹⁶.

На следующий день, 14 ноября 1931 г. Н.О.Щупак писала Е.В.Тарле в Алма-Ату: «Получили ли Вы письмо милого старичка Henri Sée? Если получили, черкните ему хотя бы открыточку, он ужасно будет обрадован и так этого заслуживает»¹⁷. 24 декабря 1931 г. она сообщила Тарле: «Я решила окончательно съездить на воскресенье к Henri Sée — уже взят билет: поеду в субботу вечером, а в понедельник вернусь. Вы знаете, они когда-то гостили у покойного Лучицкого в Москве и Киеве и до сих пор полны впечатлений»¹⁸. Свою поездку она описывала в письме от 30 декабря 1931 г.: «Я сегодня вечером в 12-м часу вернулась из Rennes... Старички в Rennes всячески меня баловали. М-те Sée мне рассказывала о Лучицком и об их поездке к нему в 1909 г. А он рассказывал свои воспоминания о Парижской Коммуне — ему было всего 6—7 лет, но он очень хорошо помнит многие, разумеется, внешние подробности. И потом о Реннском процессе (Дрейфуса)»¹⁹. Несомненно, что Н.О.Щупак беседовала с А.Сэ и о более актуальных и волнующих ее проблемах.

26 февраля она сообщила Тарле печальную новость: «Albert Mathiez vient de mourir subitement en faisant son cours à Sorbonne»²⁰. Евгению Викторовичу несомненно было очень интересно прочитать письмо Н.О.Щупак от 29 февраля 1932 г., являвшееся для него (как, впрочем, и все ее письма) весточкой из другого мира: «Сегодня похороны Mathiez'a. Гроб из госпиталя (где он скончался, не приходя в сознание) привезли в Сорбонну, и прощальная

церемония состоялась у входа в амфитеатр Michelet, где он всегда читал. В крематорий по заранее установленному расписанию никто не поехал, кроме, кажется, членов семьи (которые, впрочем, отказались заниматься похоронами, так что все устроил факультет). Речи были очень сердечные, но... ни один историк не выступил. Я положила на гроб gerbe²¹ красной гвоздики (мысленно и от Вас). Встретила всех своих исторических приятелей: Camille Bloch'a, безрукого Renouvin'a, милого дэнди Bourgin'a (который просил Вам передать горячий привет)»²².

И Ренувен и Буржен подписали петицию в защиту Тарле. Пьер Ренувен (1893—1974), потерявший руку на фронте, после войны возглавил созданный при Сорбонне центр по изучению истории мировой войны. Позднее он стал академиком и одним из наиболее известных и влиятельных французских историков; основные его труды посвящены истокам I мировой войны и истории международных отношений в 1815—1945 гг., темам и эпохам, особенно близким Тарле. Жорж Буржен (1879—1956), специалист по истории Франции и Италии XVIII—XIX вв., был старым знакомым Е.В.Тарле по Национальному архиву, видным сотрудником которого он являлся.

Отвечая, по-видимому, на какие-то слова Тарле о Матъезе, Н.О.Щупак писала ему 4 апреля 1932 г.: «Я тоже часто думаю о бедном Albert'e и не могу свыкнуться с мыслью, что его нет. Его коллеги его не любили — отчасти (одни) за «левизну», отчасти за гневный характер, а в значительной мере, я думаю, оттого, что чувствовали, насколько он как ученый их всех опередил... А студенты его буквально боготворили, несмотря на то, что он им потачки не давал и многого от них требовал»²³.

В письме Н.О.Щупак от 22 июня 1932 г. читаем: «Мой maître Sylvain Lévi просил тебе передать его amitiés²⁴»²⁵. Очевидно, Н.О.Щупак постоянно напоминала своим французским коллегам и друзьям о судьбе Тарле. 2 июля 1932 г. она писала ему: «Я сегодня веду «светский» образ жизни: была с визитом у ректора, сейчас иду на randevu с Camille'ом, а вечером опять обед у коллеги по санскриту и по словарю. С ректором очень мило поболтали о разных предстоящих конгрессах, об университетской программе будущего года — в частности, о так наз. agrégés par l'Université de Paris²⁶, к которым я имею непосредственное отношение в качестве chargé de cours²⁷. Очаровательный человек Camille по телефону успел поплакаться на то, что какое-то дружественное послание осталось без ответа (...) От ректора узнала, что однорукий Renouvin чуть не умер от тифа. Теперь поправился»²⁸.

15 июля 1932 г. Н.О.Щупак сообщала Е.В.Тарле: «На будущей неделе еду в Renne (главным образом потому, что в тамошней библиотеке имеется какая-то неизданная корреспонденция с Ж.Кристофом, которую я, как Вы знаете, штудирую)»²⁹. Здесь содержится намек на Романа Роллана (автор романа «Жан Кристоф»), который станет нам понятен позже.

В письме от 21 июля 1932 г. Н.О.Щупак описывает историю своего знакомства с А.Сэ: «Хочу рассказать, как я попала в Rennes... Прошлой осенью по моей инициативе (хотя я взяла на себя роль чисто техническую) группа наших ученых затеяла одно коллективное предприятие (научного характера), об этом узнал Henri Sée и обратился за разъяснениями к Sylvain Lévi, имя которого стояло первым в списке сотрудников; так как я была техническим секретарем, то ответила ему, у нас завязалась оживленнейшая переписка (ведь

он 17 лет не выходит из своего кабинета и ужасно любит писать письма) и мы так «подружились», что на Пасху я к ним съездила на два дня. И он и его жена оказались ужасно славные, так что летом мне уже пришлось к ним приехать на целую неделю»³⁰.

Думаю, что «коллективное предприятие научного характера», о котором здесь идет речь — это петиция в защиту Тарле, опубликованная А. Матъезом. Дата здесь, возможно, нарочно сдвинута на год вперед в целях конспирации.

Все это, как мне кажется, показывает, до какой степени кампания в защиту Тарле французских ученых была организована и непрерывно направлялась Н.О.Шупак.

В письме к Тарле от 25 января 1932 г. она дает ему это понять, рассказывая якобы об известной деятельнице времен немецкого романтизма Рахель Фарнгаген фон Энзе: «Rachel Varnhagen была странной дамой. Она так не любила двигаться, что способна была по 2—3 дня не есть, чтобы только себя не утруждать. Но когда дело касалось ее возлюбленного, села в дилижанс и отправилась на несколько дней за сотни километров (или lieus, как тогда говорили), чтобы повидать Cambaseres'a и некоторых других наполеоновских сановников. К сожалению, ни современники, ни новейшие историки не упоминают, добилась ли она чего-нибудь, кроме обычных французских любезностей»³¹.

Все переводы и публикации работ Е.В.Тарле на Западе в 1931—1933 гг. осуществлены Н.О.Шупак — письма не оставляют в этом никаких сомнений.

Недавно во Франции была опубликована переписка М.Горького и Ромена Роллана, в которой имеется ряд писем, очень важных для нас³². 1 апреля 1931 г. Горький писал Роллану из Сорренто (отвечая на его письмо от 28 марта 1931 г.): «Теперь по поводу письма проф. Henri Sée³³. Историк С.Ф.Платонов — человек, с которым я встречался в 20-м году. Монархические убеждения свои он не скрывал и тогда, в годы гражданской войны. Однако в течение десяти лет его не трогали. Кажется, в 29-м году арестованы были его дочери за участие в монархической организации. Он арестован, как мне говорили, за сокрытие документов государственной важности и как организатор, как вдохновитель группы монархистов, которая находилась в сношениях с русскими монархистами в Париже»³⁴.

Отвечая на это письмо, Р.Роллан писал Горькому 22 апреля 1931 г.: «Профессор из Ренна Анри Сэ не удовлетворен ответом, который Вы мне дали по поводу Платонова... Анри Сэ утверждает, что дочери Платонова никогда не занимались политикой и что они были арестованы после ареста их отца, а не до него. Но особенно его возмущает, как и всех социалистов и радикалов среди французской интеллигенции, случай с проф. Тарле (историк Матъез, специалист по эпохе Робеспьера, опубликовал брошюру по этому поводу и возглавил движение протеста). Они протестуют и заявляют об абсолютной лояльности Тарле по отношению к новой России во время его пребывания в Европе, о чистоте его марксизма. Напишите обо всем, что сможете узнать о нем в СССР»³⁵.

Горький ответил из Сорренто 3 мая 1931 г.: «Я не удивлен тем, что профессора Анри Сэ не удовлетворил наш ответ по делу Платонова, но все-таки я надеюсь сообщить Вам из Москвы сведения, которые, может быть, несколько

охладят Сэ... С.Ф.Платонов — монархист, он был личным другом Великого князя Константина Романова, бывшего президента Академии Наук... Тарле — человек не крупный, самолюбивый и обиженный. Платонов и Тарле, кроме их прямой антисоветской деятельности, уличены в сокрытии документов серьезной государственной важности. Но, как я уже сказал, обо всем, что инкриминируется им, сообщат Вам при встрече в Москве. Мне остается повторить, что антисоветские течения в Союзе питаются и поддерживаются из Европы»³⁶.

Как видим, на этот раз попытка Р.Роллана облегчить положение арестованных историков не увенчалась успехом: в своем ответе Горький просто повторил официальную версию ОГПУ, положенную в основу «Академического дела». Возможно, что она была прямо подсказана ему этой организацией: ряд адресованных ему писем по подобным вопросам Горький пересылал Ягоде, прося его совета, как ответить в том или ином случае. Не исключено, однако, что заинтересованность в судьбе известных русских историков, проявленная интеллигенцией Запада, сказалась на относительной мягкости приговоров, вынесенных «руководителям» мнимого заговора Платонову, Тарле и др.: как известно, постановлением коллегии ОГПУ от 5 августа 1931 г. они были высланы сроком на 5 лет в различные города Поволжья, Урала, Сибири и Средней Азии. Рядовые «заговорщики» получили гораздо более суровые приговоры³⁷.

Приблизительно через год Ромен Роллан, несомненно под давлением Н.О.Щупак и поднятой ею французской профессуры, возобновил свои ходатайства за Е.В.Тарле³⁸. Характерно, однако, что теперь речь шла об одном Тарле и вопрос ставился в чисто гуманитарном аспекте, а не в плане политической реабилитации. 12 мая 1932 г. Роллан пишет Горькому: «Разрешите напомнить Вам о двух просьбах, с которыми я из чувства гуманности уже обращался к Вам и Екатерине Павловне Пешковой³⁹. ...По поводу проф. Евгения Тарле: ему грозит довольно серьезная операция мочевого пузыря, и он просит разрешения приехать для этой операции в Москву»⁴⁰. Горький не ответил, и в письме от 21 июля 1932 г. Роллан продолжал настаивать: «Извините, что я опять поднимаю вопрос о своих подопечных: о престарелой матери художника и гравера Алексеевой, которая хотела бы провести остаток своих дней с сыном в Париже, и о проф. Тарле, ходатайствующем о разрешении приехать в Москву для операции. Вы так мне ничего и не ответили по этому вопросу»⁴¹.

Наконец 5 августа 1932 г. Горький, приехавший в СССР, ответил Р.Роллану: «По поводу Алексеевой и Тарле я говорил с кем следует и имел право думать, что эти вопросы разрешены положительно. Немедля восстанавливаю хлопоты. Здесь играет роль все та же причина: всем некогда, маленькие дела подавляются большими»⁴².

Сопоставление дат с несомненностью свидетельствует, что ходатайства Р.Роллана через Горького сыграли важную роль в возвращении Тарле из ссылки. В апреле 1932 г., т. е. вскоре после недошедшего до нас первого обращения Р.Роллана к Горькому, так сказать, по второму заходу, в Алма-Ату был направлен член Верховного Суда СССР А.А.Сольц, который беседовал с Тарле об обстоятельствах его дела⁴³. 2 августа 1932 г. датируется «Справка о деле б. академика Е.В.Тарле», представленная начальником секретно-политичес-

кого отдела ОГПУ Я.С.Аграновым председателю ОГПУ В.Р.Менжинскому. (В этой очевидно затребованной от него «Справке» Агранов, один из главных фабрикаторов «дела», доказывал истинность предъявленных Тарле обвинений, законность следствия и добровольность признаний)⁴⁴. Наконец, телеграмма Е.П.Пешковой в Алма-Ату, вызывавшая Тарле для лечения, датирована 26 августа 1932 г.⁴⁵. В Москве, куда Е.В.Тарле прибыл в начале октября, он был принят секретарем ВЦИК А.С.Енукидзе, который объявил ему о помиловании.

Это был, однако, не единственный путь, который использовала Н.О.Щупак. Только теперь, зная все описанные выше обстоятельства, я смог правильно прочесть несколько важных мест из писем Е.В.Тарле из Москвы жене Ольге Григорьевне, которые остались незамеченными или неразгаданными при более ранних моих обращениях к этим текстам.

10 октября 1932 г., сразу же по приезде в Москву, Е.В.Тарле писал жене: «Был только что у Пешковой на Кузнецком⁴⁶. Все объяснилось. Все сделал Сансичек⁴⁷. Все от А до Z (via Rom.⁴⁸, который в мгновение ока etc.). И все это было уже 8 месяцев тому назад сделано»⁴⁹. На следующий день 11 октября 1932 г. он сообщал ей по-французски: «Oui, petite, on doit cela uniquement au Sansyque (le grand meconnu). Uniquement, je tape la dessus. C'est la lettre de son corres[ondant] en mains que Amère a fait cette demarche et reussit. Il y a 8 mois!!... Elle dit cela: 8 mois»⁵⁰.

Наконец после двух с лишним месяцев, проведенных в хлопотах в Москве, за несколько дней до возвращения в Ленинград, пытаюсь успокоить и убедить ревновавшую Ольгу Григорьевну, Евгений Викторович писал ей 23 декабря 1932 г.: «Tout cela tient du miracle et á chaque pas — oui, c'est Ch-ty, oui, c'est Roll., oui, c'est Norvège, oui, c'est ça. Et spiritus movens??»⁵¹.

«Roll.», как выше «Rom.», — это, конечно, Ромен Роллан, Ромен Роллан, Ch-ty — Charlety. Историк Себастьян Шарлети (1867—1945), ректор Парижского университета в 1927—1937 гг., был специалистом по новой истории. Основные его работы посвящены истории сен-симонизма, Реставрации и Июльской монархии. В 1896—1907 гг. он был профессором Лионского университета. Повидимому, Шарлети был близок к французским правительственным кругам: в течение ряда лет он возглавлял учебное дело в Тунисе, а в 1919—1927 гг. являлся генеральным инспектором школ и изящных искусств Эльзас-Лотарингии, занимаясь, в частности, созданием французского университета в Страсбурге. Он был вице-председателем Высшего совета по народному образованию и председателем Высшего совета по делам архивов⁵². Шарлети оказывал большее внимание Тарле во время его пребывания в Париже. По его приглашению Тарле 30 ноября 1929 г. прочитал в Сорбонне доклад «Экономический союз европейского континента при Наполеоне I», причем Шарлети лично представил докладчика аудитории и председательствовал на заседании⁵³. Доклад этот был опубликован во Франции в следующем году с редакционным примечанием: «После возвращения из Франции, где был сделан этот доклад, г. Тарле в конце января 1930 г. был арестован и заключен в тюрьму вместе с г. Платоновым и другими крупнейшими русскими историками. Они по сей день находятся в тюрьме»⁵⁴.

В письмах к Е.В.Тарле Н.О.Щупак несколько раз упоминает о своих визитах к ректору. Одно из этих писем цитировано выше. В недатированном

письме, относящемся по содержанию к сентябрю 1931 г., она пишет: «Собираюсь с визитом к нашему милейшему ректору. Я у него несколько раз была sans façons⁵⁵». 31 октября 1931 г. она сообщала Е.В.: «J'en ai déjà parlé au recteur de l'Université de Paris et j'en toucherai un mot au président de l'Académie des Sciences d'Oslo avec lequel je suis en correspondance. C'est un illustre savant, un galant homme et un loyal ami de l'Union Soviétique»⁵⁷. Формально в этом письме речь идет о посылке книг в библиотеку Алма-Атинского университета, но можно не сомневаться, что и с Шарлети, и с норвежским ученым Н.О.Шупак говорила прежде всего о судьбе Тарле. И тот и другой, очевидно, предприняли соответствующие шаги, и Тарле, как мы видели, считал их эффективными. Свои предположения о роли Шарлети я выскажу чуть ниже, а сейчас коснусь пункта, который Е.В.Тарле обозначает словом «Norvège».

Профессор Упсальского университета А.С.Кан сообщил мне, что в архиве известного норвежского историка Хальдвана Кута, хранящемся в Университетской библиотеке в Осло, имеется копия его письма, направленного 9.VIII.1931 г. тогдашнему советскому полпреду в Норвегии А.Бексадьяну. Кут пишет «от имени широкого круга европейских и американских историков» и просит передать его письмо «соответствующим советским органам». Он указывает, что Тарле, очевидно, не коммунист, но «абсолютно лояльно относится к советскому правительству», и ссылается при этом на свои личные разговоры с ним. «Исследования Тарле и Платонова обеспечили им выдающееся место в современной историографии», — пишет он и выражает надежду, что «оба они в скором времени получат свободу и возможность продолжить свою научную деятельность». «Историки всего мира восприняли бы такой акт великодушия с одобрением и благодарностью». При этом Кут ссылается на письма в защиту Тарле, полученные им от знаменитого шведского историка-экономиста Эли Гекшера и Н.О.Шупак⁵⁸.

Хальдван Кут (Koht) (1873—1965), классик норвежской историографии, был в то время президентом Норвежской Академии наук и президентом Международного комитета исторических наук. Он являлся также видным социал-демократическим политиком и в 1935—1940 гг. занимал должность министра иностранных дел Норвегии.

Таким образом, перед нами раскрываются те пути, промежуточные звенья и механизмы, которые находила и приводила в движение Н.О.Шупак в своих усилиях по спасению Е.В.Тарле.

Я не стал бы исключать и версию об участии в судьбе Тарле Эдуарда Эррио, хотя документально она до сих пор не подтверждена. Освобождение Тарле из ссылки произошло в тот период, когда Эррио (с июня по декабрь 1932 г.) возглавлял французское правительство, причем 29 ноября 1932 г. был подписан пакт о ненападении между Францией и СССР. Эррио был последовательным сторонником налаживания советско-французских отношений, в период его первого премьерства в 1924 г. Франция признала Советскую Россию и к его мнениям и пожеланиям советское руководство должно было прислушиваться особенно внимательно. В какой форме он выразил свое пожелание по поводу Е.В.Тарле, мы можем пока только предполагать.

Возможно, что доступ к нему Н.О.Шупак нашла при помощи Себастьяна Шарлети. Как известно, Э.Эррио с 1905 г. до конца жизни (за исключением периода гитлеровской оккупации) был мэром Лиона, и Шарлети как профес-

сор Лионского университета и автор серьезных работ по истории Лиона, несомненно, был знаком с ним. Вероятно, некоторые остающиеся не вполне ясными моменты могли бы проясниться при обращении к материалам французских архивохранилищ.

Наконец, последнее, о чем я хотел бы сказать в этой статье. В одном из наиболее поздних сохранившихся писем Н.О.Шупак к Е.В.Тарле, направленном 26 июня 1935 г. уже в Ленинград, читаем: «Факультетские дела совсем устроены, комитет историков единогласно постановил послать приглашение. Я пока даже мечтать боюсь о таком счастье»⁵⁹. Очевидно, она пыталась организовать поездку Е.В.Тарле в Париж, и Сорбонна прислала соответствующее приглашение. Однако поездка эта не состоялась. «Опросом членов Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 сентября 1935 г.» было решено: «Отклонить поездку проф. Тарле в Париж для чтения лекций»⁶⁰.

Поездка на Запад Евгения Викторовича Тарле в 1929 г. оказалась последней в его жизни⁶¹.

¹ Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 45—54. Об «Академическом деле» см. прежде всего: *Ананьич Б.В., Панеях В.М., Цамутали А.Н.* Предисловие // Академическое дело 1929—1931 гг. СПб., 1993. Вып. I. С. V—XLIX.

² См.: Каганович Б.С. Указ. соч. С. 54. Согласно этим рассказам, Эррио во время своего визита в СССР в 1934 г. просил Молотова устроить ему встречу с Тарле, тот был доставлен на самолете в Москву из Алма-Аты и обратно в ссылку не вернулся. Дело однако в том, что Тарле вернулся из ссылки в конце 1932 г., а Эррио в это время в Советский Союз не приезжал.

³ Каганович Б.С. Указ. соч. С. 50. Перевод: «Она начала, она все сделала и продолжает, и отныне нет ничего невозможного... Она сдвигает горы» (франц.).

⁴ Там же. С. 50. Puissance — силой, мощью (франц.).

⁵ Там же. С. 50.

⁶ Там же. С. 50.

⁷ Mathiez A. Choses de la Russie Soviétique // Annales Historiques de la Révolution Française. 1931. № 44. P. 149—158. См. также: Полемика А.Матьеза с советскими историками (1930—1931 гг.). Предисл. В.А.Дунаевского // Новая и новейшая история. 1995. № 4. С. 199—211. В эту публикацию включена статья А.Матьеза, переведенная Л.Е.Иоффе под заглавием «Вести из Советской России».

⁸ Новая и новейшая история. 1995. № 4. С. 210. Эта статья знаменовала разрыв Матьеза с официальной исторической наукой в СССР.

⁹ Новая и новейшая история. 1995. № 4. С. 211.

¹⁰ В цитируемой публикации фамилия этого известного французского историка неправильно воспроизведена как «Хаузер».

¹¹ См.: *Mémorial Sylvain Lévi*. Paris, 1935. P. XI, 119.

¹² Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 139. Л. 51.

¹³ moule — растяпа, шляпа (франц.).

¹⁴ что бы ни говорил о нем неистовый Альберто (франц.). Шутливый намек на «Неистового Роланда» Ариосто: А.Матьез отличался резким характером и необузданным темпераментом.

¹⁵ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 139. Л. 51.

¹⁶ В «Новой и новейшей истории» (указ. публикация, с. 211) К.Блок ошибочно назван отцом знаменитого историка Марка Блока. Отцом М.Блока был профессор римской истории Гюстав Блок (1848—1923).

¹⁷ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 139. Л. 37. В архиве Тарле среди «Писем неустановленных лиц» сохранилось письмо к нему А.Сэ от 7 октября 1931 г. «Дорогой друг, — писал Сэ. — В эти дни я был счастлив узнать от нашего друга хорошие новости о Вас. Вы доставите мне еще большее удовольствие, если напишете мне». Он хвалит статью Тарле,

опубликованную в «Revue Historique», обещает прислать Тарле подготовленное им французское издание «Путешествия во Францию» А. Юнга и надеется, что вскоре выйдет по-французски книга Тарле «Рабочий класс во Франции во время революции»: «Надин не перестает заниматься этим с присущей ей настойчивостью» (Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 141. Л. 59—59а). В письмах Н.О.Шупак к Тарле из Ренна от 22 и 25 июля 1932 г. имеются приписки А.Сэ (Там же. Д. 140. Л. 40, 42).

¹⁸ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 139. Л. 44—45.

¹⁹ Там же. Л. 4.

²⁰ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 140. Л. 22. Перевод: «Только что скончался Альбер Матьез, читая лекцию в Сорбонне» (франц.).

²¹ gerbe — букетик (франц.).

²² Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 140. Л. 23.

²³ Там же. Л. 26.

²⁴ amitiés — дружеские приветствия (франц.).

²⁵ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 140. Л. 35.

²⁶ agrégés par l'Université de Paris — выпускники Парижского университета (франц.).

²⁷ chargé de cours — преподаватель, доцент (франц.).

²⁸ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 140. Л. 36.

²⁹ Там же. Л. 37.

³⁰ Там же. Л. 38—39.

³¹ Там же. Д. 139. Л. 8.

³² Correspondance entre Romain Rolland et Maxime Gorki. 1916—1936. Pref. et notes de J. Perus. Paris, 1991. 543 p. (Cahiers Romain Rolland. 28).

³³ Издатель переписки Ж.Перюс сообщает в комментариях, что 22 марта 1931 г. профессор новой истории Реннского университета Анри Сэ обратился с письмом к Р.Роллану, прося его «использовать свое влияние для помощи четырем русским историкам: Тарле, Платонову, Лихачеву и Любавскому... Им, как говорят, инкриминируют неверность марксистской доктрине исторического материализма, которая, кажется, стала в Москве догмой. Не ставят ли в вину Тарле то, что он (начиная с 1905 г.!) заявлял, что во Франции накануне Революции крупная промышленность играла незначительную роль, — что, между прочим, является чистой правдой?.. С другой стороны, ученые, о которых идет речь, всегда демонстрировали лояльность теперешнему правительству своей страны. Это особенно относится к г. Тарле, политическую корректность которого мои коллеги могли видеть в ноябре 1929 г., когда он читал лекцию в Сорбонне по приглашению Университета; по возвращении в Россию он был арестован» (Correspondance entre Romain Rolland et Maxime Gorki. P. 471—472). Ответ Р.Роллана А.Сэ не сохранился, так как весь архив А.Сэ погиб при аресте мадам Сэ гестапо в 1943 г., добавляет Ж.Перюс (Ibidem).

³⁴ Correspondance entre Romain Rolland et Maxime Gorki. P. 228—229. Русский текст писем Горького любезно предоставлен архивом А.М.Горького при Институте мировой литературы РАН. Уже после завершения настоящей работы вышло русское издание: Горький М. и Роллан Р. Переписка. 1916—1936. М., 1996.

³⁵ Correspondance... P. 232.

³⁶ Ibid. P. 233—234.

³⁷ См.: Академическое дело 1929—1931 гг. С. XLVIII.

³⁸ Возможно, что Н.О.Шупак была лично знакома с Р.Ролланом, и, безусловно, с ним был знаком С.Леви. Как известно, Р.Роллан интересовался индийской философией и мистикой и написал несколько работ на эту тему. К сожалению, мне осталась недоступна книга: *Rolland R. Inde. Journal (1915—1943)*. Paris, 1960.

³⁹ Это письмо Р.Роллана, очевидно, не сохранилось и не включено в издание.

⁴⁰ Correspondance... P. 265.

⁴¹ Ibid. P. 267.

⁴² Ibid. P. 271.

⁴³ См.: *Каганович Б.С. Указ. соч. С. 46—47.*

⁴⁴ Там же. С. 47.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Последние три слова густо зачеркнуты, последние два восстанавливаются гипотетически. Е.П.Пешкова, первая жена Горького, как известно, возглавляла Политический Красный

Крест, через который оказывалась помощь политзаключенным. Он располагался в Москве на Кузнецком Мосту.

⁴⁷ Сансичек, Сансик — уменьшительное от Санс (сокращение от «санскритолога»). Так Тарле в письмах условно именовал Н.О.Щупак.

⁴⁸ через Ром[ена Роллана] (франц.).

⁴⁹ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 154. Л. 96.

⁵⁰ Там же. Л. 97. Перевод: «Да, маленькая, всем этим мы обязаны только Сансику («великий неизвестный»). Только ей — я это проверил наверху. С письмом ее корреспондента в руках Амер [имеется в виду М. Горький; прилагательное «amère» по-французски означает «горький». — Б.К.] предпринял этот демарш и преуспел. 8 месяцев тому назад!.. Она сказала: 8 месяцев назад» (франц.) «Она» в последнем случае — по-видимому Е.П.Пешкова.

⁵¹ Там же. Л. 23. Перевод: «Все это похоже на чудо и на каждом шагу: да — это Ш-ти, да — это Ролл., да — это Норвегия, да, именно так. А движущая сила?» (франц., лат.).

⁵² Dictionnaire de biographie française. Paris, 1959. Т. 8. Р. 587.

⁵³ См. хронику: Annales Historiques de la Révolution Française. 1930. № 37. Р. 93.

⁵⁴ *Tarlé E. L'Union économique du Continent européen sous Napoléon I-er. (Idée et réalisation)* // Revue Historique. 1931. А. 56. Т. 166. № 2. Р. 239—255.

⁵⁵ без церемоний (франц.).

⁵⁶ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 140. Л. 63.

⁵⁷ Там же. Д. 139. Л. 6. Перевод: «Я уже говорила об этом с ректором Парижского университета, и я замолвлю словечко об этом президенту Академии наук в Осло, с которым состою в переписке. Это известный ученый, благородный человек и верный друг Советского Союза» (франц.).

⁵⁸ Устное сообщение А.С.Кана автору 5 октября 1996 г. и письмо от 15 ноября 1996 г.

⁵⁹ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 140. Л. 60.

⁶⁰ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 971. Л. 27.

⁶¹ Настоящая работа выполнена при поддержке Фонда Дж. Сороса.

